

ВОПЛОЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ

Алиева Садагат Агасафар кызы

*Д. философии по культурологическим наукам, доцент,
Азербайджанский Государственный Университет
Культуры и Искусства (г. Баку)
sadagat-aliyeva@mail.ru*

CULTUROLOGICAL APPROACH TO WOMEN IN CULTURAL CONCEPTS

S. Aliyeva

Summary: This article examines these aspects of the female phenomenon in cultural models. Social phenomena are also accepted as facts of culture, since culture encompasses human activity and the products of this activity. The phenomenon of women as a leading force in society is one of the main issues studied in cultural studies. In particular, attention to the women's issue has always been a priority in cultural models that have formed in different historical periods. In these cultural models, the various qualities of the female phenomenon are embodied. For example, the embodiment of female shyness and resentment as one of these qualities in the cultural models of different societies is of interest. The censoring aspects of shyness find their theoretical confirmation in cultural concepts.

Keywords: culture, model, repressed women, feminist, cultural models, society.

Аннотация: В данной статье исследуются означенные аспекты женского феномена в культурных моделях. Общественные явления принимаются также как факты культуры, поскольку культура охватывает человеческую деятельность и продукты этой деятельности. Феномен женщины как ведущей силы в обществе – один из основных вопросов, изучаемых в культурологии. В особенности, внимание к женскому вопросу всегда имело приоритетное значение в культурных моделях, сформировавшихся в разные исторические периоды. В этих культурных моделях нашли свое воплощение разнообразные качества женского феномена. Например, вызывает интерес воплощение в культурных моделях разных обществ женской застенчивости, обидчивости как одного из подобных качеств. Цензурные аспекты застенчивости находят свое теоретическое подтверждение в культурных концепциях.

Ключевые слова: культура, модель, репрессированные женщины, феминистка, культурные модели, общество.

Известные трактовки культуры не позволяют проводить различие между нею и обществом. Хотя слово «общество» отличается от концепта «культура» в смысле человеческого социума, существует вопрос, не позволяющий их различить: есть ли в культуре события, которых нет в обществе? Невозможно дать отрицательный ответ на данный вопрос, если исходить из традиционного раскрытия значения понятия «культура». Поскольку получается, что культура и общество пребывают в единой реальности.

Но сформулируем вопрос по-иному: есть ли в обществе события, которых нет в культуре? На этот вопрос нельзя ответить отрицательно. Как уже говорилось выше, в обществе происходят события, которые в какие-то периоды, эпохи не включаются в культуру (например, впечатления женщин-путешественниц). Поэтому следует отметить, что культура и общество, говоря математическим языком, не равнообъемные множества, хотя и не пересекающиеся множества. Просто общество включает в себя культуру в качестве более малого множества. Потому что в обществе есть вещи, которые могут остаться вне культуры, пусть даже временно.

Многие правила культуры, особенно застенчивость, не позволяют ей включать в себя значительные общественные явления. Существуют, например, запреты на

некоторые виды поведения, относящиеся мужчинам и детям. Но, к сожалению, случаи застенчивости действуют с особой жестокостью по отношению к девушкам и женщинам. По словам одной феминистки, пьяный мужчина не вызывает такое возмущение в культуре, как пьяная женщина [7, с. 225]. В исламском мире, если мужчина уличен в прелюбодеянии с женщиной, их обоих забивают камнями. Однако в том случае, если не удавалось раскрыть личность женщины, с которой мужчина прелюбодействовал, то он не осуждался и не пристыжался. Тогда как в аналогичной ситуации женщина считалась обесчещенной. Следует добавить, что сигэ в шиизме (форма временного брака) значительно смягчило эту суровость по отношению к женщинам, поскольку «легализовало» внебрачные связи [1, с. 101].

В этом контексте, то есть в контексте установленных ограничений на расширение культурных границ, цензура приобретает новое значение. Согласно Эриху Фромму, эффективная цензура - это такая цензура, которая не допускает опасные сознания приблизиться к культуре [7, с. 228-242].

По сути, нормы морали в обществе действительно создают в человеке внутреннюю «цензуру». Следовательно, нам необходимо уточнить, как отличить внутреннюю цензуру ради приличия от внутренней цензуры,

которая имеет власть над другими и служит интересам отдельного субъекта? Поэтому мы должны подчеркнуть, что подобная метафоризация цензуры больше связана с политическими взглядами и отношением к власти. В обычных случаях же мораль заставляет многих подтянуться в социальной жизни и контролировать свою речь и действия по принципу «самоцензурирования».

Поэтому во многих обществах женщины вынуждены ограничивать себя внутренней цензурой. Психологический коррелят приличия – застенчивость, и еще в XIX веке Дарвин обнаружил, что это чувство сильнее проявляется у женщин. Даже взрослые женщины смущаются чаще, чем мужчины [20, с. 39].

Поскольку чувство застенчивости превратили женщин в замкнутое существо в обществе, они в культурном плане проявили себя в меньшей степени, чем мужчины. Поэтому, конкретизируя, можно утверждать, что психологический мир женщин в азербайджанской литературе, потаенные аспекты их внутреннего мира недостаточно прояснены. Восхищение матерью, воспевание женщины как возлюбленной предстают в качестве повторяющихся мотивов и картину в азербайджанской поэзии.

При выявлении ограничений пределов культуры цензурой, обидой и застенчивостью, выражение «расширение», связанное с культурой, приобретает право на гражданство. Тот факт, что все, что происходит в обществе, происходит и в культуре, обесмысливает идею ее расширения. Именно тогда, когда культура и общество различаются по определенному аспекту, факт расширения культуры становится проблемой. Раскроем данное утверждение на примерах. Например, когда феминистки с особым вниманием приступили к разработке феномена женщины, они включили в культуру много обстоятельств, связанные с женщинами, которые оставались за рамками и границами предыдущей культуры.

Карен Хорни, знаменитая студентка Фрейда по женской психологии, обнаружила ситуацию, неожиданную даже для Запада. Она писала, что во многих примитивных обществах женщины были окутаны тайной. Мужчины боялись их и думали, что у них есть тайная связь с духами; благодаря этой связи они могли заполучить мужчин. В результате у мужчин возникло желание держать в повиновении женщин, чтобы защитить себя. Вот почему в Восточной Ватавеле мужчины скрывали от женщин технику добывания огня, чтобы они не становились сильнее. У калифорнийских индейцев существовали особые ритуалы для запугивания и подчинения женщин.

Рассказав об этом, Карен Хорни добавляет: «В наше время женщины все еще не знают, что мужчины втайне боятся их». Ученый также наблюдает этот страх у позвоночных. Связи между животными показывают, что сам-

цы обладают своеобразными особенностями. Высокие побуждения у самца отсутствуют у самок, в этом смысле самец больше зависит от самки во время сношения [11, с.82].

Таким образом, этот «новый материал», привнесенный в культуру Карен Хорни, не остался пассивным и стал пульсировать в новых научных идеях. Например, феминистки использовали этот факт, чтобы подкрепить свою идеологию новым аргументом. Из статьи Дона Карри и Валери Роул становится ясным, что, по мнению феминисток, в основе желаний утвердить свою власть над кем-либо лежит страх. А страх, как правило, рождается неопределенностью. В этом контексте следует учесть, что на протяжении тысячелетий женщины оставались для мужчин загадочными, неизвестными существами. По мнению феминисток, именно эта причинно-следственная цепочка заставляла мужчин бояться женщин и пытаться подчинить их своей воле. Тот факт, что женщина является источником жизни, также вызывал в мужчине смешанные чувства – страх, восхищение и т.д. [11, с.38].

Если бы не некоторые хадисы пророка Мухаммеда о женщинах, мы так подробно не сосредоточились бы на наблюдениях Карен Хорни и более поздних феминисток относительно страха перед женщиной. В этих хадисах Пророк, неоднократно упоминая об увиденном во сне обитателей ада, утверждал, что большинство из них были женщинами [14, с. 215]. Эти слова могут быть истолкованы как ненависть к женщинам в исламе. Одна из причин такой интерпретации заключается в том, что европейские феминистки превратили ненависть к женщинам в патриархальных религиях в принципиальное обвинение, изображая при этом святого Павла в качестве воплощения ненависти к женщинам. На самом деле, есть высказывания этого христианского святого, в которых женщина действительно преподносится как опасное существо, и выискиваются способы для «нейтрализации» ее [19, с. 54].

Обвинение феминисток вызвало широкий резонанс и привело к формированию мысли, что ненависть к женщинам встречается в большинстве религий. Именно в этой ситуации рассуждения Карен Хорни помогают нам понять хадисы Пророка, упомянутые выше, объясняя их не как ненависть к женщинам, а как предупреждение об опасных последствиях страха перед женщинами. В отличие от обычных людей Посланник Аллаха обнаружил, что женщины имеют сильное влияние на мужчин из-за этого страха. Поучительное же значение хадисов состоит в том, что они не позволяют женщинам злоупотреблять своими возможностями перед угрозой ада.

Вышесказанное относится к разным тонкостям в отношениях между мужчинами и женщинами; нетрудно заметить, что указанные обстоятельства после известных

толкований психоанализа и хадисов становятся очевидными в культуре. Иными словами, они расширяют границы культуры.

А теперь давайте обратим внимание на следующий факт о женщинах. Согласно Абрахаму Маслоу, одним из наиболее распространенных клинических явлений является то, что многие умные женщины бессознательно приравнивают интеллект к мужскому мышлению и поэтому чувствуют неловкость из-за своих умственных способностей. Мужчинам также кажется, что интерес к истине, ведение исследований портят женственность женщины [8]. В свое время эти наблюдения Маслоу представляли новшество для культуры. Потому что в прошлом ни наука, ни литература не знали, что женщины опасаются выглядеть умными.

Если перейдем с Запада на историю Кавказа, то увидим, что взгляды Шафига Эфендизаде, которая в начале XX века активно выступала о проблемах женщин в СМИ, богаты исчерпывающей информацией. До этого в бытности и истории Азербайджана женщины как личности были предметом разговоров в дихотомиях «хорошие – плохие», «ленивые – трудолюбивые», «красивые – уродливые». Однако Шафига ханум оповестила наше общество о новом разделении и утверждала, что азербайджанские женщины делятся на два типа: на образованных и невежественных. Образованные женщины, учившиеся на иностранных языках, живут в Баку и других городах,

Следует добавить, что в то время в журнале «Дирилик», в котором активно выступала Шафига ханум, существовала рубрика «Знаменитые женщины». Материалы, размещенные под этой рубрикой, несомненно, внося новый вклад в азербайджанскую культуру, расширили ее границы [15, с. 27].

Все эти приведенные нами факты требуют от нас глубоко задуматься над проблемой «культура и общества» в свете понятия модели, добавить некоторые дополнительные черты к концепту «культура», чтобы различать их. Конечно, культура охватывает человеческую деятельность и продукты этой деятельности. В этом смысле все в обществе кажется культурным фактом. Однако в обществе есть слои, которые отстранены от культуры, а не от общества. Мы имеем в виду бессознательный коллективный дух. Известный психолог К. Юнг назвал это «коллективным бессознательным духом» или «коллективным бессознательным». Юнг показал, что сознание – это узкий круг души, и что вне этого круга имеется огромная подсознательная сфера души [13, с. 176-178]. Именно эта сфера не может быть включена напрямую в культуру.

К событиям, которые не могут проникнуть в культуру

из общества, мы должны также отнести глубокие пласты национального менталитета, скрытые закономерности экономических отношений и синергетические процессы в социальном пространстве. Учитывая, что до сих пор даже профессионалы не могли внятно объяснить особенности нашего национального менталитета, неудивительно, что мы не включаем эти особенности в культуру.

Долгое время скрытые формы домашнего насилия в отношении женщин, нарушения прав человека также не были включены в культуру. Эта ситуация в Азербайджане изменилась за последние 10-15 лет, то есть право, являющейся частью культуры, выявило эти скрытые случаи [16, с. 127].

В обществе существует огромное количество событий, которые остаются вне рефлексии, то есть вне цели размышлений. Теперь, принимая во внимание такие факты, мы можем сказать, что культура – это совокупность человеческой деятельности и ее продуктов, прошедшая через рефлексию, очевидности сознанию. Известный медиовист А.Я. Гуревич показал, что в культуре нового периода личные отношения отодвинуты «за кулисы». Тогда как в средние века многие члены семьи обычно спали в одной постели. Отношения между родителями не скрывались от детей [4, с. 27].

Следовательно, все эти упомянутые сцены не рефлексировались в новую эпоху, поскольку остаются неочевидными и не превращаются в факт культуры. Только после того, как ученые обратили свое внимание на отношения между мужчинами и женщинами и в фильмах XX века значительная часть этих отношений стали очевидными, произошло в некотором смысле их возвращение в культуру (что вызвало немало скандалов). Точно так же, ругань, хотя и использовалась в Европе в течение долгого времени, находилась вне культурного поля, и только культурологический анализ ненормативной лексики культурологизировав, сделал ее целью для рефлексии.

Кстати, в науке был изобретен термин для усвоения, в свете сознания, фактов общества (ругань, грубые шутки), не являющихся частью культуры. Это термин «неформальная культура». Используя его, Михаил Бахтин объединил большое количество событий, описываемые такими понятиями, как «карнавальная эстетика», «гротескные тела», в рамках концепта «неформальная культура» [17, с. 174-175].

Таким образом, мы увидели, что наш вывод о том, что культуру не следует отождествлять с обществом, что ее следует мыслить в ритме расширения и сжатия (как будто дышит), небезоснователен. Неожиданное употребление в истории культурологии, наряду с категорией «культура», термина «неформальная культура», и на основе последнего изучение многих явлений античности

и средневековья, было связано с потребностью проникновения из общественной сферы во многие слои «неформальной культуры». Подобное проникновение было бы невозможным, если бы исходило лишь только из понятия «культура». Именно этот метод позволил высветить «контркультурное» поведение дервишей в мусульманском мире и «юродивых» в русском мире [6, с. 45].

Наконец, хотелось бы отметить методологическую важность рассмотрения нами культуры в динамике «расширения и сужения» на основе отделения культуры от общества. Культурную историю и культурные этапы также можно определить в параметрах возможности или невозможности достижения обстоятельства. Установленные в тоталитарных режимах границы смеха и пародии также являются границами культуры. Фраза «в СССР нет разврата» на первой советско-американской телеконференции фактически означала, что эта тема не была очевидной в советской культуре и искусстве. Когда мы выдвигаем идею характеристики культурного этапа с точки зрения того, что он охватывает, мы стремимся рефлексировать подобные случаи в теоретической модели.

Подход к культуре из параметров «расширение-сжатие» предьявляет новый ракурс в отношении женщин и детей: какие обстоятельства и перспективы создает экспансия культуры для женщин и детей, а также для гендерных отношений, и, наоборот, к чему приводят ограничительные рамки культуры? В этом контексте глобализация, эпоха Интернета позволяет нам изучать культуру в плане «широкой культуры» и поднимает вопрос: наступила ли эра культуры без границ, или такого периода никогда не будет, иначе говоря, культура всегда будет устанавливать для себя границы?

Ответив на вопросы: какую модель представляет культура, какие культурные модели являются теориями, и, внося ясность на некоторые научные выводы, мы можем сказать, что феминистская идеология произвела совершенно новые культурные модели, чтобы оправдать себя и обосновать свое «негодование». Одна из таких моделей пыталась доказать, что патриархат ведет к особому типу культуры. Другая модель стремилась утверждать, что после падения патриархата межличностная справедливость в культуре будет восстановлена. В свою очередь, исследования, которые предоставляют различные теоретические модели культуры с точки зрения отношений между мужчинами и женщинами, дискутируют, как патриархальные и матриархальные культуры раскрывают мир в различных моделях.

Чтобы глубоко задуматься над всеми этими проблемами, давайте возьмем дихотомические пары понятий из философии и на их основании порассуждаем. Когда Парменид ввел в философию бинарную оппозицию Единичности (*hens*) и Множественности (*polla*). Позднее,

в диалоге Платона о Пармениде, эти два понятия приобрели более высокое философское содержание. Со временем монотеистические религии в значительной степени теологизировали эти понятия, связав Единичность с идеей Бога, единобожием, а Множественность – с разнообразием в мире [10, с. 419].

Именно благодаря когнитивной силе своеобразного «электрического» напряжения, создаваемого полюсами, обозначенными этими бинарными концептами, культура нашего века «пульсирует» в моделях как Единичности, так и Множественности. В первой модели Единичность предстает в единой центральной ипостаси, приводя в концентрическое движение окружение и «собирая вокруг себя». Таким образом, в культуре или в каком-нибудь ее важном секторе (в религии, искусстве, политике) существует вихревое движение – окружающая среда, вращаясь вокруг центра, стремится быть поглощенным, раствориться и исчезнуть в нем.

Или же Множественность побуждает и поддерживает центробежные процессы. Она «отворачивается» от центра и стремится избавиться от его влияния [9, с. 91-92]. Таким образом, культура или ее сферы и фрагменты раскрываются нам в двух противоречащих друг другу моделях. Одна модель создает центростремительные ускорения в концентрической структуре, и ее главный принцип заключается в сведении воедино. Другая модель, стимулируя центробежный процесс, вызывает умножение, что-то вроде постоянно расширяющегося Вселенного после Большого взрыва, в результате которого полюса Единичности и Множественности образуют самые разные конфигурации. Таким образом, концентрация на мужчинах или идее мужчины придает определенный вектор, стройность этим действиям. В случае, если дети или же детская идея трансформируются в организующее ядро, образуется другое строение, форма. Разумеется, что женская идея создает в культуре иные конфигурации.

Адорно утверждает, что концепт (понятие) состоит в том, чтобы свести множественность в единичное, поэтому содержит в себе числовое соотношение, арифметическую операцию (действительно, понятие «человек» включает в себя ряд конкретных людей). Далее Адорно, развивая свою мысль, пишет: в каждом акте понимания загружается множественность, поскольку, когда разнообразие сводится под одно понимание, теряет свою существенную особенность. Превращение разнородной множественности в единичность означает подчинение множества единице, репрессию [5, с. 156].

Фокусируясь на службе акта идентификации знающим, можно сказать, что в этом смысле национальная идентичность является национальным самосознанием, поскольку определяет нацию на основе ассоциирования ее с некоторыми историческими событиями, героя-

ми, духовными качествами [18, с. 110-130]. Отто Вейнингер, которого Гитлер считал единственным «хорошим евреем», определил свою национальную принадлежность следующим образом: евреи живут вместе, привязавшиеся друг к другу так же легко, как и женщины. Хотя настоящего общения между ними никогда не бывает. Типичному иудаизму недостает внутренней благородности, поэтому нет еврейской аристократии [3, с. 27-29].

Как и женщины, евреи стремятся за славой и репутацией. Еврей гордится ложей в театре, где сидит, своими христианскими друзьями. У азиатов сильна идея отождествления себя с предками. Еврей же смотрит в прошлое своей нации лишь для того, чтобы получить стимул для будущего.

У евреев, как и у женщин, нет величия. Среди них отсутствуют как нравственные герои, так и аморальные идеи. Настоящий еврей, как и настоящая женщина, думает не об индивидуе, а о продолжении рода. Поэтому нет лучшего семьянина, чем еврей [3, с. 381]. В духе европейской патриархальной культуры Отто Вейнингер относился к женщинам уничижительно. Поэтому, когда он отождествлял еврейскую идентичность с женской природой, он не просто стремился раскрыть эту идентичность, но и объяснить ее пренебрежительным образом (разумеется, симпатии Гитлера к нему были связаны с подобным отношением к евреям).

Как видно, если мы воспринимаем идентификацию как начало, а все остальное – как акт понимания на основании отождествления с нею, то можем утверждать, что любой факт культуры, оказавшийся в центре и собравший вокруг себя множество, стремится отождествить его собой, тем самым способствуя наделению им сущности, соответствующей этой частности. И тогда начинается подавление тех, кто находится вокруг центра, потому что, объединяя их, он уменьшает их разнообразие и, как мы уже сказали, заставляет их исчезнуть.

Как нами уже сказано, второй обратный процесс или обратная модель – центробежная. В этом случае окружающая множественность отказывается идентифицировать себя с центром, испытывая отвращение к нему. В результате акт идентификации обесценивается. Этот процесс поясняется двумя философско-культурологическими изречениями. Ж. Деррида говорит, что метафизика любого желания, мечты – это метафизика бес-

конечного деления. Примером «бесконечного деления» является рост клеток путем деления. В этом изречении «метафизика» связывает процесс деления с глобальными принципами, изучаемыми на философском уровне. Другое изречение принадлежит Тейяру де Шардену. Этот мыслитель сказал, что жизнь может развиваться, продвигаться, умножаясь [12, с. 155]. Размножение клеток путем деления может вновь открыть это утверждение. Вспомним также о важности «человеческого потомства» для жизни. «Ева» на семитских языках означает жизнь. Это связано с тем, что Ева как женщина родила ребенка.

Углубив наши знания о двух – центростремительной и центробежной – моделях в культурологии на основании «единичности и множественности», мы можем теперь утверждать, что гендерные исследования прошлого века обнаружили «неоспоримую» истину. До XIX века мужчина и мужской мир создавал парадигму изучения культуры как на Западе, так и на Востоке. В этой парадигме для большинства ценностей решающее значение имели мужские критерии (или отождествление с мужчинами). Хейзинга раскрывает интересный факт: при обстоятельном рассмотрении истории можно заметить, что в прошлом мужская одежда менялась чаще, чем женская. Это различие стало еще более очевидным в XV и XVII веках. Только в XVIII веке женская одежда превратилась в предмет моды и стала часто меняться.

Мы привыкли приписывать женщинам элегантную, модную одежду. Тогда как на европейском материале Хейзинга показывает, что в течение долгого времени то, как одевался мужчина, находилось в большей степени в центре внимания культуры. К этому тезису можно добавить, что, как и во всех основных ценностях, женская одежда была продиктована мужчинами. Эти одежды должны были учитывать восприятие, ревность или восхищение мужчин. Таким образом, несмотря на то, что позже женщины перехватили инициативу в вопросе одежды, вначале критерий «как выглядеть мужчинам» играл решающую роль. И это было естественно. В обществах, где мужчины являются главными действующими лицами (актерами), его одевание также становится основной одеждой, в то время как женская одежда «специализируется» на привлечении внимания мужчин. Данное утверждение раскрывает мир одежды таким образом, что в нем идея мужчины находится в центре, а различная одежда сосредоточена вокруг него.

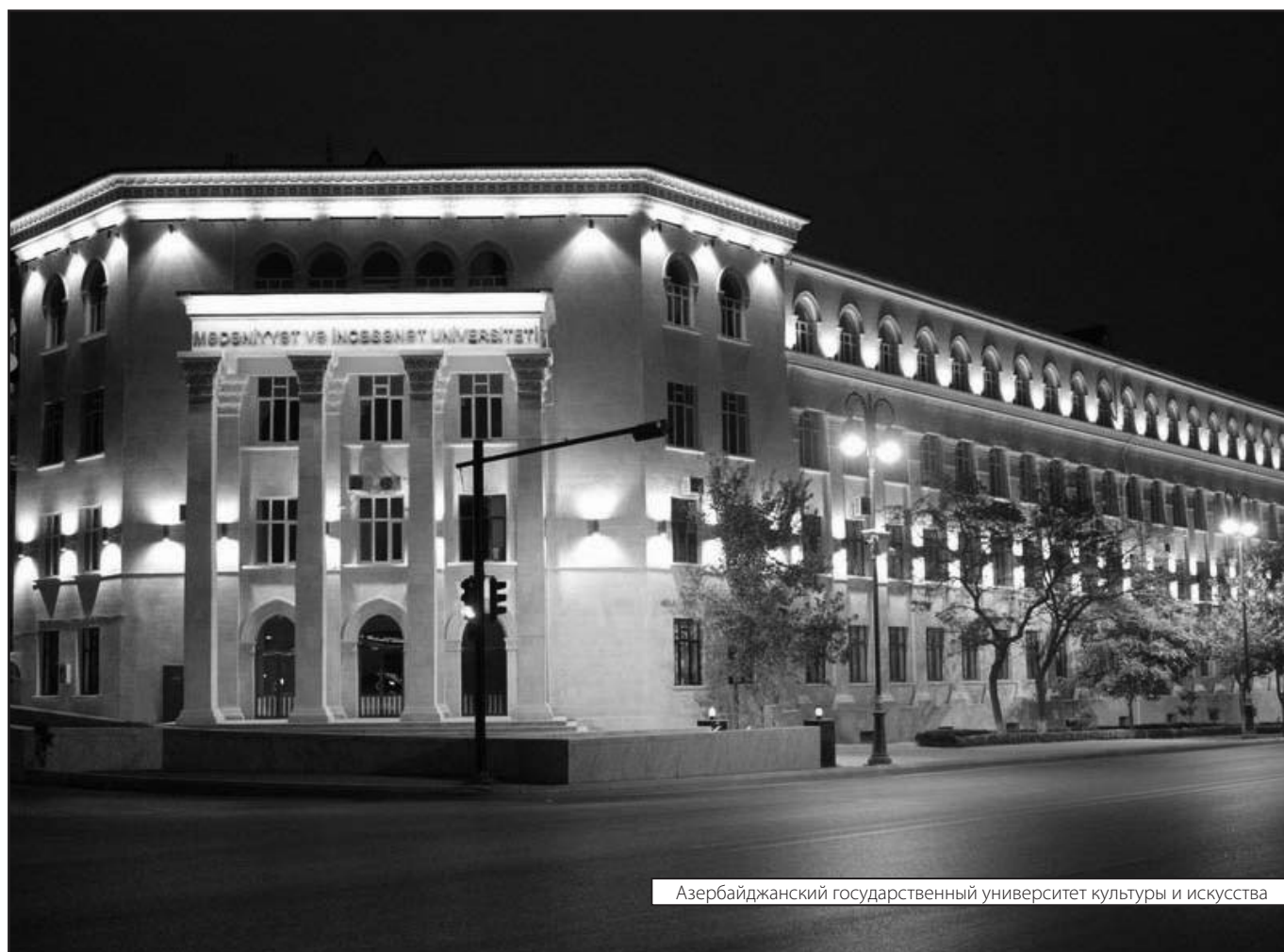
ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев А.А. Женщина по исламу и в исламе // Азербайджан в мире. – 2006. – №4. Октябрь. – с. 98-108
2. Андеграунд [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/andegr12.html> (дата обращения 12.05.2020)
3. Вейнингер О. Пол и характер. – СПб.: Кигоиздательство «Посев», 1909. – 428 с.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 311 с.

5. Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
6. Лихачев Д.С., Панченко А.М. "Смеховой мир" Древней Руси. – Ленинград: Наука, 1976. – 204 с.
7. Маркова О.Ю. Гендерные измерения современного общества // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. науч. ст. – СПб.: Петрополис, 2001. – с.223-240
8. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
9. Мехти Н.Н. Средневековая мусульманская культура: эстетика проявленного и философия сокрытого. – Баку: Ганун, 1996. – 192 с.
10. Платон. Сочинения в трех томах, т.2. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.
11. Хорни К. Женская психология. – СПб.: Издательство Восточно-Европейского института психоанализа, 1993. – 222 с.
12. Шарден П.Т. Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
13. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – М.: Мартис, 1995. – 399 с.
14. Abdul-Latif-əz-Zəbidi Z.Ə. Səhih əl-Buxari. (ərəb dilindən tərc. ed. Ə.Musayev). – Bakı: Şərq-Qərb, 2009. – 973 s.
15. Ağaoğlu Ə.H. İslama görə və İslamda qadın // Ulduz. – 1990. – №3. – s. 68-80
16. Azərbaycan seksizmi vətəndaş dinləmələrində. Qaçqınlara qarşı ayrı seçkilik haralarda və nələrdə. – Bakı: Qanun, 2007. – 188 s.
17. Baxtin M.M. Dostoyevski poetikasının problemləri. – Bakı: Kitab aləmi, 2005. – 384 s.
18. Əfəndiyeva H. Milli özünüdərk. – Bakı: Ozan, 2006. – 130 s.
19. Gage M.J. Woman, Church and State: A historical account of the status of woman through the christian ages with reminiscences of the matriarchate. – Chicago: Arno Press Inc, 1893. – 570 p.
20. İvanova.V.M. Shame and guilt: Sociology as a Poietic System. – Uppsala University, Department of Sociology, 2000. – 358 p.
21. Məmmədli Z.Ə. A-dan Z-yə qədər tələxəbər. – Bakı: Yeni Nəsil, 2009. – 322 s.
22. Tağıyeva R. Milli identifikasiya qloballaşmaya qarşı // Simurq. – 2010. – №2. – s.27-29

© Алиева Садакат Агасафар кзы (sadagat-aliyeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Азербайджанский государственный университет культуры и искусства